

Работал я тогда на ночной парковке. Будка находилась у одного из жилых домов, в полуметре от дороги; собственно, по её краям и парковались машины.

Я не особо приглядывался к ней прежде: ну, нравится человеку прогуливать себя по ночам — чего здесь необычного? К тому же выглядела она вполне опрятно.

Однажды, выйдя из будки, я поджигаю сигарету...

— А что, если хозяин автомобиля поручит кому-нибудь угнать его, — кто будет оплачивать ущерб? — произносит она, застывая подле меня.

Странный вопрос: заняться ей, что ли, нечем?.. Но, не выказывая недоумения, спрашиваю:

— А зачем хозяину автомобиля это делать? Смысл какой? Здесь же в основном местные паркуются.

— Ну мало ли... — звучит смятый ответ.

В это же мгновение от только что припарковавшейся машины отходит местная пара.

Мне, вернувшемуся в будку, протягивая деньги в форточку и улыбаясь:

— Подозрительная тётенька какая-то...

С той поры «подозрительная тётенька» стала иногда останавливаться около будки и беседовать со мной.

Вела она себя и вправду своеобразно. Лет ей было за пятьдесят, роста невысокого, худая, взгляд — пустой, будто вмерзающий куда-то за плечо, когда она говорила с тобой о чём-то. Речь сухая, напоминающая монотонные стихи Бродского.

Разговаривал я с ней скорее от нечего делать. Поначалу всё не мог понять, кто она: просто тихо спятившая или же

залетевшая ведьма какая-нибудь — Бог ведь знает, кого может притащить ночью.

Инициатива общения всегда исходила от неё. Я больше слушал. Мои мысли её, кажется, не интересовали вообще, что задевало не сильно: всё же хоть какое-то развлечение в ночи — послушать живого человека.

Некоторое время мы провели с ней в долгих обсуждениях смысла жизни и религии. Но вопросов, лично обращённых ко мне, она не задавала. Как, впрочем, и я ей.

Так происходило несколько недель. Пока меня не стали утомлять все эти непонятные встречи и я не начал избегать её.

Месяца два мне удавалось создавать видимость чрезвычайной занятости, когда, заметив её, я принимался громко говорить по телефону или делать ещё что-нибудь. Но как-то раз она появилась значительно раньше привычного, часов в девять вечера, с букетом цветов.

В узкое окошко будки wpłyвает её сияющее лицо, отрывая меня от переписи машин:

— Угадаете, кто мне подарил цветы?

Я даже не знаю, что ответить на такое. Откуда мне известно, в конце концов?

— Конечно, нет, но догадываюсь, что, наверное, мужчина.

— Да, точно, мужчина. Именно! — растекаясь в какой-то невероятной улыбке.

— Ну, прекрасно.

— Да что вы понимаете! Ладно. Сейчас расскажу вам всё, — и рассказывает, вытягивая меня наружу.

Мимо нас плавно движутся прохожие, чуть в стороне проносятся машины. Мы стоим, укрывшись под высокой липой.

На другой части улицы семья таджиков сворачивает свою палатку по продаже фруктов. Глава семейства, развалившись на стуле, наблюдает, как двое сыновей складывают ящички в открытый фургон.

— Так за что всё-таки его посадили? — спрашиваю я спустя полчаса.

— Не знаю, — вскидывая плечами. — Оговорили, понятно же.

— Ну да, бывает такое.

— А вы знаете, какие он татуировки там делает? Не татуировки, а произведения искусства! Я хоть и не люблю этого, но у него действительно красиво получается, — и рассказывает дальше.

Вскоре звонит телефон, и пока она ищет его в своей сумке, с ней случается истерика.

— Это он! Да где же эта штука?..

Неожиданно видеть её такой — растерянной, с глазами, наполненными обидой, маленькой и взволнованной.

Наконец рука её обнаруживает потерю, и она подносит телефон к уху. Я смотрю на эту хрупкую, нелепую и вместе с тем счастливую женщину и вижу, как холод ведьмы постепенно тает, проявляя что-то настоящее.

Небо затягивается темнотой, вспыхивают редкие яблоки фонарей. И общение наше продолжается.

— Тяжело ему там. Знаете же, какая публика находится, поговорить толком не с кем... — выдыхает она. — А цветы эти мне передал сегодня знакомый его, который освободился. По его просьбе. Нашёл же меня, передал! — и тихая улыбка освещает всё её лицо.

И я слушаю дальше её историю. Историю бывшей учительницы, в одиночку растившей сына. Про его успехи в учёбе, про непростые отношения с девушками, про любовь к рисованию, про её сон и не хватившее место в камере, когда он содержался ещё до суда, и как она решила эту проблему добившись встречи с начальником. Слушаю про наркомана-соседа, товарища сына, который недавно умер. Про то, что иной раз непонятно, что хорошо — тюрьма или воля. Что скоро сын освободится, и сердце её успокоится. Всё наладится. Всё будет хорошо.

Затем она уходит, продолжая сиять и улыбаться.

— Только никому не рассказывайте в округе, пожалуйста, — умоляюще произносит она, прижимая к груди небольшой букет, — про учительницу и вообще.

Весь остаток ночи я думаю о ней. О том, как же легко я ошибаюсь в людях, принимая видимое за правду.

Дотерпев смену до утра, я закрываю будку на ключ и иду домой. Пробудившийся город движется мне навстречу.